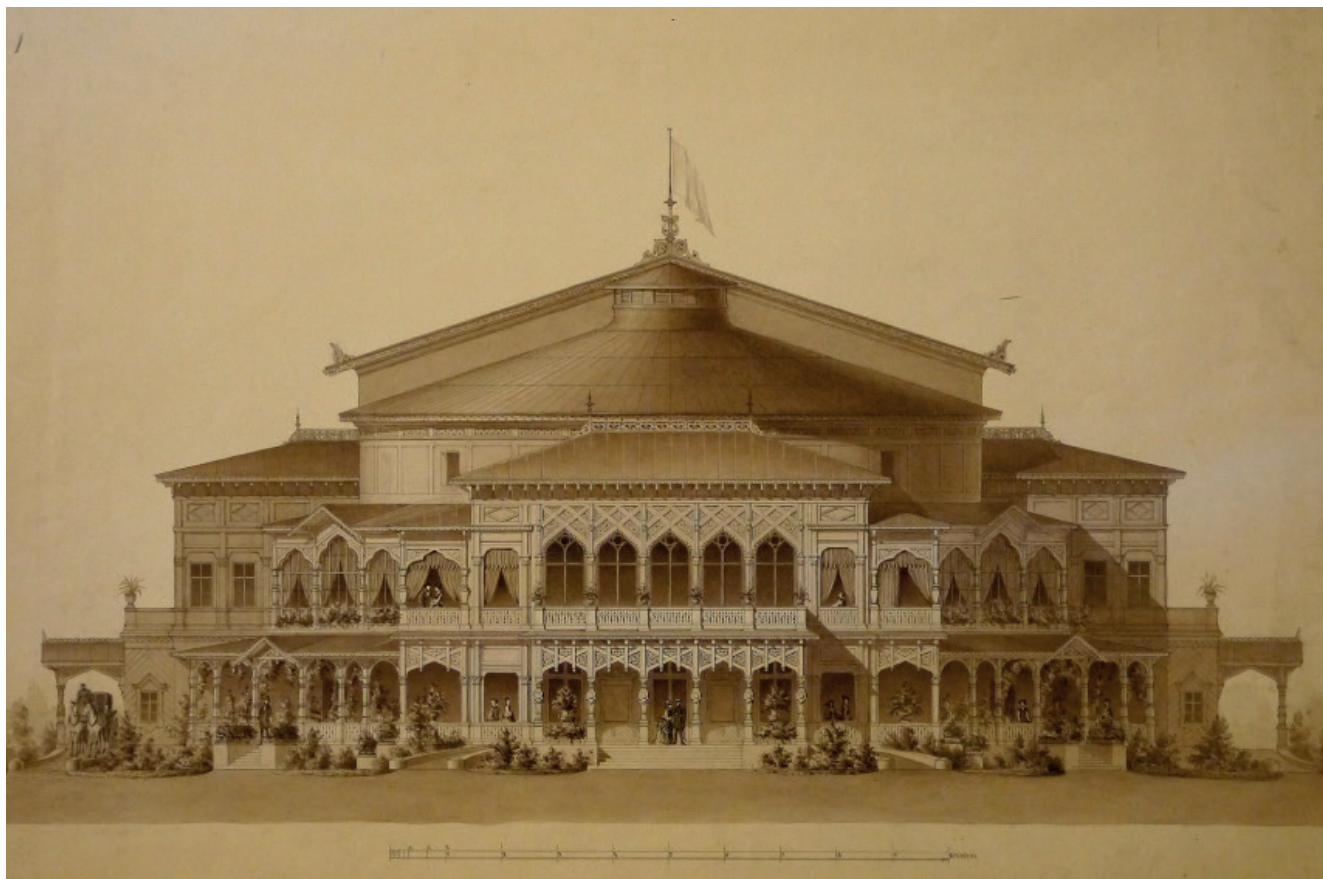

ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА К ВС. С. СОЛОВЬЕВУ (1877–1886)

1.

15 Января; 1877 г.

Москва

Я не хочу писать вам: *многоуважаемый* — Всеволод Сергеевич, потому что это очень сухо, а мне бы хотелось подобрать какой-нибудь эпитет душевнее за то, что Вы так скоро и с таким участием написали мне.

Пусть — Вы будете для меня пока — *милый* Всеволод Сергеевич...

Я так не избалован аккуратностью и исполнительностью русских друзей, что меня всегда ужасно удивляет и трогает, когда кто-нибудь что-нибудь из них сделает не *для самого только себя*... «Laissez-aller¹» это перестало даже и раздражать меня, так я к нему привык; но, разумеется, что я не могу воздержаться при воспоминании об этом национальном качестве от некоторого внутреннего презрения, тем более, что я-то сам вовсе не таков и при всей моей ужасной лени готов

с радостью всегда помочь единомышленнику и словом, и делом... Ну и так далее!..

Запрещение «Собеседника» и меня очень огорчило и удивило. Если это правда, что его запретили за перевод статьи «Revue des deux mondes»² *Два канцлера*, то как ни жалко, как ни больно это нам с Вами, но надо согласиться, что это поделом...

Как же можно делать такие промахи! Я теперь сам читаю весь ряд этих статей в «Revue des deux mondes» и нахожу, что они превосходные и справедливые, но нельзя же печатать в *России* *такие вещи*.

Не возобновите ли издание под другим именем?

И если Вы найдете место вашей новой повести, прошу Вас, пожалуйста, пришлите мне оттиск или того журнала, в котором он будет напечатан.

В этом письме я Вам не могу сообщить моего будущего адреса, потому что еще не решено, куда

¹ Неограниченная свобода, полное отсутствие принуждения; букв. «пустить на самотек» (франц.)

² «Revue des deux mondes» — старейший французский общественно-публицистический журнал, основанный в 1829 г. и существующий до сих пор.

я на днях уеду: к себе в деревню, в Козельскую ли Оптину Пустынь, или в Нижегородскую губ<ернию>, к старым друзьям, с которыми я встретился здесь и которые меня зовут к себе на целый год кончать *Одиссея*... Напишу Вам *оттуда, где буду через неделю*.

Пришлите мне также, очень, очень прошу Вас, оттиски той *польской* повести, которой мне попался в *Ниве* случайно один только отрывок³ — он восхитил меня особенно тем, что в нем язык такой простой и благородный, чуждый всех тех юмористических грубостей, от которых избавиться не могут ни Тургенев, ни Достоевский, ни даже Толстой, а уж Сальяс, так тот доводит меня до бешенства тем, что позорит так этой топорной формой своей несомненно *поэтический* и положительный по направлению талант. Хоть бы он у бедной матери своей поучился говорить просто и изящно. По-моему у нее в повестях язык почти безукоризненный, и, вероятно, потому она теперь так и забыта нашей гнусной публикой и еще более гнусной критикой.

О! Россия, Россия!.. Бедная Россия!.. Все то в ней так. Нигилисты осторожны и ловки, а издатели «Собеседника» делают промах с 1^х номеров...

В этих самых статьях «Два канцлера» есть ужасное слово Бисмарка «La Russie est le néant⁴». И что мне толкуют о *народе*, о силах, которые в нем таятся! Эти силы возросли в нем под влиянием Церкви и сословного строя... А теперь все идет именно противу этого строя, который обусловил в мужике, мещанине, купце, солдате, крестьянине, сельском попе, монахе и т.д., развитие этих качеств, в одно и то же время и крутых, и теплых, которые так многим стали нравиться *именно тогда*, когда пришло время им исчезать и выдыхаться под влиянием свободы (т.е. распушенности).

Посмотрим, что будет *далее*! А пока вот что. Я послал Фед<ору> Ник<олаевичу> Бергу⁵ целый ящик с 3^{им} томом моих повестей для рассылки доброжелателям (в числе которых Вы, конечно, я верю, занимаете теперь 1^е место)⁶. И дал даже на это 3 рубля *серебр<ом>* комиссионеру за труд. Но Федор Никол<аевич>, при всем своем расположении ко мне почему-то думает, что быть небрежным в этого рода делах — ничего и что редактору некогда заниматься подобными делами для отсутствующих друзей. Поэтому —

я прошу Вас, возьмите у него из ящика *свой* экземпляр и, если можете, распорядитесь и помогите, чтобы комиссионер и всем другим по назначению (т.е. по *надписям*) разнес. Попросите также Фед<ора> Ник<олаевича>, чтобы он до 1 мая *по 1^{му} разу в неделю* всего печатал *крупные* объявления. А если можете устроить объявления изредка и еще *где-нибудь*, то я буду Вам очень признателен. *Сфакиот*⁷ будет скоро напечатан, но когда именно, не знаю. Несмотря на застой книжной торговли, повесть моя *понемножку* начинает здесь продаваться и судя по этому, можно ручаться, что если бы в январе, феврале и марте были бы в разных местах и *статьи* и объявления, то издание пошло бы очень хорошо, несмотря на дурные обстоятельства. Но день идет за день и если никто за это горячо *теперь* не возьмется, то мало-помалу настанет лет и опять надо будет ждать будущей зимы. Отчего бы в *Ниве* не попробовать устроить что-нибудь? У нее так много подписчиков!

Редакции «Русск<ого> вестника», по-видимому очень желательно, чтобы Авсеенко⁸ написал статьи о повестях моих, но ведь и в этой редакции иногда такой беспорядок, что ни за что ручаться нельзя. И *запишут* дело какое-нибудь на память и если оно самим не до зарезу, то и записанное забудут. Н.Н. Воскобойников *записал*. А мне больше всего хотелось, чтобы редакция поскорей покрыла бы свои расходы по изданию моих книг: меня это мучает.

Здесь в Москве стали вдруг опять *понемно*го спрашивать «Византизм»⁹, поэтому я послал Федору Ник. Бергу остальные экземпляры (50–40) с просьбой — *объявить* и продать их *в пользу славян*.

Я все это время раздумывал, не поехать ли мне к Вашему батюшке и брату и представиться им: такой-то! Но — все думаю: а если у них вдруг на лицах изобразится — вопрос: «Да кто же это и зачем он нам!»

Так и не поехал.

Очень жаль, что меня не будет в Москве, когда Вы здесь будете. Отвел бы с вами душу!

Да! Я вместе с 3^м томом повестей послал Вам «Подлипки», «В своем краю», а повесть «Ай-Бурун» не решился послать. Она уж слишком дерзка... и потом в ней столько опечаток, что надо было бы целое утро исправлять их; вместо

3 В 1876 г. в «Ниве» вышла первая историческая повесть В.С. Соловьева «Княжна Острожская» о князе Константине Острожском, защитнике православия во время введения Брестской унии в 1596 г.

4 Россия — это небытие (франц.)

5 Берг Ф.Н. (1839–1909) — русский поэт, прозаик, журналист, редактор газеты «Русский мир» (с 1874 г.), издатель журналов «Нива» (1878–1887) и «Русский вестник».

6 Имеется в виду третий том сборника восточных повестей «Из жизни христиан в Турции», который был напечатан в типографии М.Н. Каткова.

7 Повесть К.Н. Леонтьева «Сфакиот. Рассказ из критской жизни» увидела свет в «Русском вестнике» (1877. Кн. 1–3).

8 Писатель и публицист В.Г. Авсеенко (1818–1903) высоко оценивал рассказы Леонтьева: А.О. Очерки текущей литературы // Русский мир, 1875. 96, 125, 153; W. Литературное обозрение // Русский мир. 1878. 15 янв.

9 «Византизм и славянство» — программное политико-философское произведение Леонтьева, написанное в 1872–1874 гг. Катков отказался напечатать его в «Русском вестнике», и он был опубликован в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете». 1875. Кн. 3.

«с трудом» — напечатано «чужом» и тому подобные прелести натуральной школы. Как это на меня похоже! Я бы, если бы мог, то многое бы и из «Подлипок», и особенно из романа «В своем краю» *вырубил бы топором...* До того я ненавижу уже давно все эти крючкотворства великорусского юмора и все эти будто бы народные мужиковатости... Это мне опротивело и в других до бешенства!..

Напр<имер>, Тургенев: «у *Мардария* Аполлоновича *глазки были масляные*, как у *лягавой собаки*; *брюшко...*»¹⁰. Это ужасно! Это ужасно...

Я в деревне у себя иногда зачитываюсь Чайльд Гарольдом в *прозаическом* французск<ом> переводе Pichot или Шатобрианом. Могли же люди писать живые и великие вещи без *брюшков*, Мардариев Аполлоновичей, «*носовых свистов*», Киф Мокиевичей и т. д...

Я просто скрежещу зубами и повторяю с ужасом: «La Russie c'est le néant». Или то, что Мишле сказал: «La Russie est pourrie avant d'être mûre!»¹¹ Что касается до статьи «О психическом строе»¹², то я *здесь* не в силах даже раскрыть ее; а в деревне я возьмусь за нее и буду кончать ее так, как хочется, не соображаясь с духом того или другого журнала. Так как она больше похожа на теоретическое исследование, чем на политическую статью, то пусть оно *хранится* у Вас и месяц, и три, и *шесть*, пока найдете ей сбыт... Что касается до *Гражданина*, то я не думаю, чтобы он не мог, если захочет, напечатать ее... Это другими словами тоже, что Мещерский сказал в «Правде о Сербии», я с ним согласен.

10 Леонтьев пародирует описание героя повести «Два помещика» из «Записок охотника» И.С.Тургенева Мардария Аполлоновича Стегунова, олицетворяющего у Тургенева старую Русь.

11 Россия сгнила, так и не успев созреть (франц.). Автором фразы является не французский историк и публицист Жюль Мишле (1798–1874). Впервые она появляется в «Истории обеих Индий» Рейналя (2-е изд., кн. 19, 1774), в написании которой активное участие принимал Дидро. Здесь ее автором назван «один чужестранный наблюдатель, обехавший большую часть империи». Затем г-жа де Сталь в книге «Десять лет в изгнании» приписала эту фразу Дидро, оспорив, впрочем, сам ее смысл: «Многим пришлось по вкусу знаменитое слово Дидро “Русские сгнили, не успев созреть”. Не знаю, однако, утверждения более ложного; сами пороки русских, за немногими исключениями, причину имеют не развращенность, но необузданность». Дидро, однако, автором этой фразы себя не признавал (см.: Мильчина В., Осоват А. Комментарий к книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008). Упоминает эту фразу и Астольф де Кюстин: «Видя все это, я говорю: эти люди разучились жить как дикири, но не научились жить, как существа цивилизованные, и вспоминаю страшную фразу Вольтера или Дидро, забытую французами: “Русские сгнили, не успев созреть”» (там же).

12 Под статьей «О психическом строе» имеется в виду статья «Русские, греки и юго-славяне. Опыт национальной психологии», опубликованная в «Русском вестнике», 1878, № 2, с. 747–788. Написанная в первой редакции в 1875 г., статья была отдана в «Гражданин», однако долго не печаталась. Провести переговоры с кн. В.П. Мещерским, редактором «Гражданина», о судьбе статьи Леонтьев просил Вс. Соловьева, который 9 января 1877 г. писал Леонтьеву: «О “Психическом строе” буду говорить с “Гражданином”; но предупреждаю Вас, что они там не согласны с Вашими взглядами в “Византизме”» (Леонтьев К.Н. Полного собрания сочинений и писем в 12 т. (далее – ПССиП). Т. 7 (2). СПб., 2006. С.714. Комментарий О.Л. Фетисенко)

В Византизме было кой-что другое не ко времени прошлой весны. Да, может быть, кой-чего он и просто по невниманию какому-нибудь не имел.

Вот Вам, Всеволод Сергеевич, *первый блин комом...*

1^е письмо — большое! Не бойтесь, вероятно вы ответите мне вроде Фед. Ник. Берга — «Здравствуйте. Пришлите очерк. Прощайте» или вроде Н.Н. Страхова (начало письма 68 года, а конец 69го) и я еще раз обжегшись, буду и с Вами как *все русские*, т.е.буду писать только деловые и сухие письма... Обнимаю Вас.

Ваш К. Леонтьев

2.

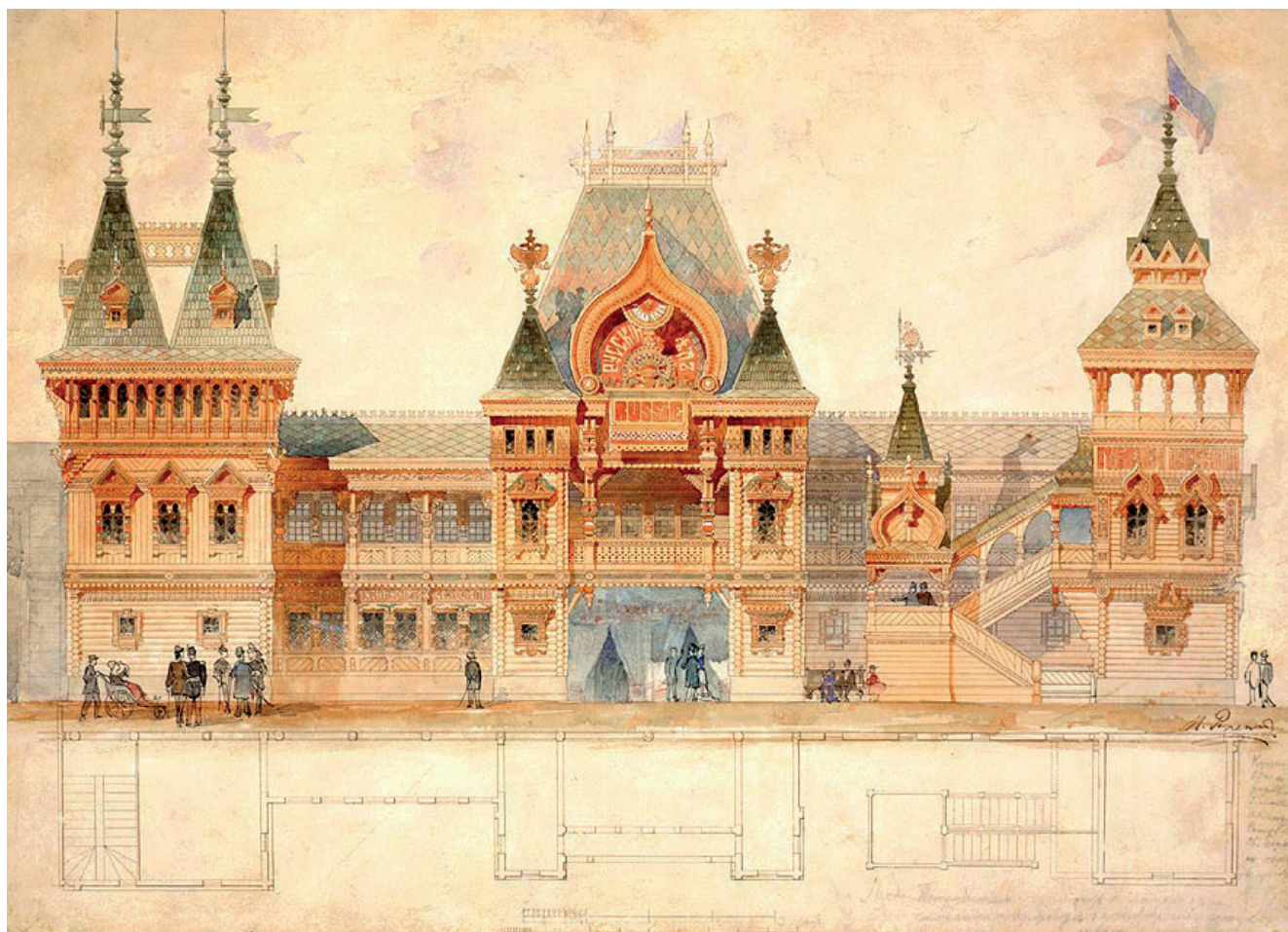
28 марта 1877 г., (NB:) Оптина Пустынь; г. Козельск; Калужск<ой> Губ.

Дорогой и многоуважаемый Всеволод Сергеевич, я все ждал от Вас письма и к чему-то никак не мог представить себе, *где* Вы теперь? Ведь около масленицы вы собирались быть у родных Ваших в Москве и читать что-то о русской литературе в обществе Любителей? В газетах ничего об этом собрании не было такого, откуда я мог бы получить сведения о том, что Вы действительно в Москве, но я не знал, куда писать: так было, что в Петербурге часто меняются квартиры.

Писать на редакцию «Русского мира» неудобно также потому, что литераторы и редакторы столичные часто между собою ссорятся и расходятся, и если паче чаяния, вы перестали заниматься при «Русском мире», то письмо пролежит год в конторе и никто не даст себе труда об нем позаботиться. Я решил поэтому, наконец, писать на имя Вашего отца в Москву для доставления Вам. Самое лучшее, если бы Вы потрудились дать мне какой-нибудь более постоянный и верный ваш адрес. Напр<имер>, написать, как титуловать правильно ту канцелярию, в которой Вы служите. 2^е отделение собств. Е.И.В. канцелярии? Так?¹³

Порадуйте меня Вашим письмом. Мой адрес Вы найдете *наверху* письма. Хотелось бы знать, что Вы теперь делаете, а что задумываете делать? Я напрасно просил Вас выслать мне как-нибудь всю Вашу *Польскую повесть*, которой отрывок я прочел случайно в «Ниве» и восхитился ее языком, простым и благородным, без тех несносных реализмов (почесал нос, мясистая рука и т.п.),

13 По окончании юридического факультета Московского университета Вс. Соловьев в октябре 1870 г. был определен на службу во II-ое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1881 г. он был пожалован в звание камер-юнкера; с 1882 г. с преобразованием II-го отделения в кодификационный отдел при Государственном совете его назначили помощником старшего чиновника этого отдела. В 1884 г. Вс.С. Соловьев был отчислен, согласно прошению, по болезни, от занимаемой должности, с причислением его к отделу и с оставлением в придворном звании.

от которых и сам Лев Толстой не в силах освободиться; и от которых давно бы пора нам избавиться.

Я дорожу Вами и вашим успехом, вы знаете, и из эгоизма. Хотя за такого рода эгоизм ни Вы и никто другой меня не осудит. Как здоровье Ваших домашних? Что Ваш молодой *медиум*?

А мы здесь в оптинском тихом скиту с Божией помощью только что переплыли «великий океан Четыредесятницы», как говорят греки, подразумеваемая телесные трудности Великого поста, когда его содержишь серьезно; переплыли этот океан и стоим на берегу другого моря: — разлившихся рек, от которых никуда почти из монастыря недели на две проезда нет, иначе как на лодке, для здоровых людей, не боящихся простуды.

Здесь, в скиту, очень хорошо *во всех отношениях* (если только уметь подчиняться некоторым требованиям). Из какого окошечка своей кельи я ни взгляну, со всех сторон через низкую ограду виден мачтовый, огромный сосновый и еловый бор, двор скита обширен и весь в яблонях, теперь на нем тает весенний снег, а летом, как в раю, все в цветах и резедой пахнет, как в цветнике богатого помещика; церковь маленькая необыкновенно изящна, иконостас из розового дерева пополам с орехом и все иконы новые с Троице-Сергиевским чеканным золотым фоном. Ризы богатые, пение довольно хорошее — монахи добрые и прекрасной жизни...

Мне всегда надолго легче, когда я здесь погощу. Примите к сведению, что есть *еще такого рода хорошие вещи в России...* Я бы с радостью описал это; но если бы я вздумал в самом деле только 10^ю часть того, что у меня есть в воображении, по памяти изобразить для печати, то мне понадобились бы 10–12 рук, как у индийских богов... И с тем, что уже решено писать много внутренней борьбы и хлопот. Мне теперь очень хочется кончить к маю еще отрывок из «Одиссея»¹⁴ и не отказываясь от него от него вовсе навсегда, оставить его на время, чтобы к зиме кончить хоть раз в жизни моей что-нибудь *в угоду времени* — приготовить болгарскую повесть. И сверх того еще сознаюсь Вам в одном *тайном побуждении*: Вы подстрекнули меня, уверяя, что только Лев Толстой и Достоевский могут писать теперь из *русской жизни*. Хочется и из русской писать. Жму вам крепко руку.

Ваш К. Леонтьев

P.S. Получили-таки из редакции «Русского мира» мои книги? Я право не виноват. Я даже 3 рубля послал для рассылного. Что там надедали ваши друзья с бедным «Собеседником»?

¹⁴ Роман «Одиссей Полихронидес (Воспоминания загорского грека)», завершающее произведение цикла «Из жизни христиан в Турции», Леонтьев считал своим главным созданием в беллетристике. Публиковался в «Русском вестнике» в 1875–1878 г. Ныне переиздан в т. 4 ПССиП (СПб., 2002).

3.
1878; Января 3го (Суббота)
Петербург

Всеволод Сергеевич, я думаю, вы не сомневаетесь, до чего мне хотелось бы *не визит* Вам сделать, а провести с Вами *несколько часов*. Я здесь, может быть, ненадолго: болею, как всегда, тягущусь поэтому дальними расстояниями и часы у меня сочтены. Как быть, чтобы вполне насладиться Вами? Мне ли приехать к Вам завтра (воскресенье) или еще лучше в понедельник на целый вечер?¹⁵ Или Вы приедете ко мне завтра или послезавтра просидеть, напр<имер>, от 7 хоть до 12 часов вечера?

Я и тому и другому буду одинаково рад.
Ответьте, пожалуйста, на следующий адрес:
На *Большой Морской*; дом *Лауферта*; кварт. 5.
Сердечно любящий и уважающий
Ваш К. Леонтьев

4.
14 декабря; 1878 г.
Козельск; (Калуж<ская> Г<уберния>, дом Иноземцевой)

Вот *когда* и вот *откуда*, Всеволод Сергеевич, я собрался Вам писать. Вы, верно, и не знаете, какие приключения были со мной с того дня, как мы виделись с Вами на минуту в Академии? Вот они (приключения): на другой день нашей встречи вместо того, чтобы попасть в Вам, я *лёг в постель* и должен был потом уехать в Любань, где у меня была, как Вы знаете, квартира. Там я пролечился весь Пост и как только мне стало немного лучше я, не показываясь из осторожности в Ваш странный для здоровья Петербург, поехал через Москву в свою Калужскую деревню.

Зашел к Каткову: он *вдруг* предложил мне ехать корреспондентом в Константинополь и хотя эта роль не совсем в моем характере, но я согласился. Поехал: доехал до Киева и *вернулся!*¹⁶ Невралгия

15 Вс.С. Соловьев жил в это время в Царском селе под Петербургом. 16 В письме К.А. Губастову от 1 июня 1878 г. Леонтьев писал: «Был у Каткова условить<ся> о работах моих и хотел взять у него вперед рублей 300. Но когда я сказал ему, что думаю под конец лета ехать гостить к Вам, он предложил мне ехать на его счет. – Дал мне на дорогу 500 рубл<ей>; согласился дать еще 500 через год на обратный путь, если я не захочу там остаться; 500 рубл<ей> вперед за «Одиссея» и 200 рублей в месяц (по 5 к<опеек> за строчку – то есть больше 200, если я напишу много корреспонденций, а если меньше, то все-таки 200). Я согласился, взял очень лестное письмо от него к Тотлебену, и, несмотря на слабость и боль в ноге, поехал, в Кудинове пробыл всего два дня, уложился и собрался так скоро, что даже слуги удивились; и пустился в путь. – Взял и Машу с собой и хотел ехать прямо даже на Одессу, чтобы не опоздать. – Машу я намеревался устроить где-нибудь в семье греческой подешевле и приучить ее писать фон корреспонденций, чтобы мне оставалось больше времени для других работ; – более серьезных, более моих – так сказать. – При этих условиях, если бы Маша скоро выучилась, то можно бы приобретать одними корреспонденциями рубл<ей> 350-400 в м<есяц> (Катков желал каждый день). – В случае конгресса он соглашался, чтобы я ехал на Румелию и Болгарию – и писал бы с пути и оттуда. – Чем же плохо? – Но... Человек предполагает, а Бог располагает...

моя (в ноге и пояснице) усилилась от железной дороги. Потом — прожил все лето у себя в имении и вот теперь, *из экономии*, главным образом, живу в Козельске.

Все лето я был очень занят, оканчивал «Камень Сизифа». Летом, несмотря на сельские удобства, мне всегда хуже: голова туманнее; заботы, плохая голова, «Камень Сизифа»¹⁷ — все это вместе — вот отчего я так долго не писал Вам, хотя редкий день проходил, чтобы я не вспомнил об Вас и о том, как стыдно мне должно быть, что Вы на другой день меня, вероятно, ждали, и я за своими любаньскими страданиями не позаботился Вам и строчки в Петербург тогда написать! — может быть вы бы даже и побывали у меня, у больного в этой самой Любани и я провел бы с вами один из тех восхитительных вечеров, которые я проводил на *Офицерской улице!*.. Я виноват — и никто более!

Что вам сказать? В Козельске очень скучно; удовольствие есть одно — Оптина Пустынь, но и она в 3^х верстах; не всегда есть время туда ездить. Городок сам по себе мне не нравится, *физически* не нравится; хотя вообще по известному Вам варварству моему — наши уездные города люблю. Это похоже на то, как человек, любящий *дичь* вообще, любит тетерева меньше, чем куропатку и бекаса. Вот около нас стоит город Юхнов — маленький, опрятный (сравнительно), уютный, весь в сосновом лесу. Но там — другие неудобства, которых тут нет. «Всякий хлеб с корочкой!», знаете...

Что Вы теперь готовите для печати? Что Вы сделали с той *современной* повестью, которой начало Вы мне читали? Напечатали ли Вы ее? И если напечатали, то пришлите мне оттиск. Какое бы мне было удовольствие прочесть, что-нибудь свежее, а тем более Ваше в моем заключении. Ваша книжка «Княжна Острожская» приводит в восторг соседних барышень (между которыми, не беспокойтесь, есть и не хуже петербургских!). Читал я также ваш роман в «Ниве» (в прежней), где герой Петр II^я, и скажу вам, что он нравится еще больше «Княжны Острожской»¹⁸. Может быть потому, что это ближе к нам: не могу только

Дорогой, от мелкой тряски рельсов и плохо проведенных ночей, мне становилось все хуже и хуже, а в Киеве стало так трудно, боль ноги так усилилась, что я побоялся запутаться еще более, если бы оказался там негодным вскорости к делу, которое требует здоровья и подвижности. – Лучше задолжать 500 (взятых на дорогу), чем больше! И вот я вернулся в Кудиново, и теперь немного отдохнул и начинаю недалёко ходить» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед.хр. 28. Л. 79 об.-77 об. Частично опубликовано: Пророки византизма. Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ.ст. и комм. О.Л. Фетисенко). Годом раньше на ту же катковскую стипендию, в качестве корреспондента «Московских ведомостей» на театр боевых действий был отправлен Владимир Соловьев. Однако и его миссия не увенчалась успехом: доехав до Болгарии и, возможно, отправив одну корреспонденцию «Из Свиштова», философ по непонятной причине вернулся в Москву.

17 Часть романа «Одиссей Полихронидес».

18 Роман Вс. Соловьева «Юный император» о Петре II выходил в «Ниве» в 1877 г.

дать себе объяснений в том, кто правее *исторически* в изображении некоторых характеров того времени — Вы, Голохвастов или Аверкиев. А заметны значительные оттенки. Чтобы это решить, или даже чтобы рассуждать об этом, надо во 1^х все три вещи иметь под рукою, а во-2^х еще и русскую историю этого времени знать получше из разных источников.

Очень бы мне хотелось поговорить с Вами о литературе!.. Вот, например, о Маркевиче¹⁹ (т.е. о «Четверть века тому назад»). Как Вы находите, прав ли я или нет, если я Вам скажу, что *сюжет*, по-моему, гораздо интереснее и даже серьезнее «Анны Карениной», и есть места восхитительные по силе поэзии (например, хоть представление Гамлета или кутеж и политический спор после бала); но какая разница в *чистоте исполнения*! Герои все «взвинчиваются», «всхлипывают», все «*невольно*» оглядываются (эти «*невольно*!»). Еще что? Ан! да... «Недоумело», не «насильно улыбаясь», и даже не «насильственно», а «насиловано». Что за язык! Очень немного есть нынешних писателей, которых приятно и *не стыдно громко* читать. Я Маркевича недавно читал громко, так все эти избитые «невольно» и неискусно придуманные «недоумело» пропускал. Но зато князь Ларион, граф Анисьев, Аглая и некоторые второстепенные лица до того хороши, что так бы хотелось выскоблить ножичком все эти шероховатости языка.

Это все наделали сперва Гоголь, а потом И.С. Тургенев. У первого, впрочем, все это сильно и на месте, а у Тургенева какая-то уныло-юмористическая кислота... «Потупился», «осклабился» и т.д. Этим летом я внимательно перечел «Записки охотника» и нашел вот что. На *иностранном языке* это должно быть очень хорошо. И для француза или немца очень интересно и поучительно. Русская жизнь 40^х годов изображена очень полно и верно (хотя и не без предвзятой либеральной тенденции); это может дать гораздо более ясно понятие о России, чем, напр<имер>, Гоголь в своей гениальной и могучей односторонности изображавший лишь одни *серые* стороны жизни нашей. Разумеется, «Мертвые души» *неправда*, ибо рядом с Чичиковым давно жили у нас Ленские и Онегины, Андреи Болконские и Пьеры Безуховы. Тургенев правдивее изображает действительность. Но это только отчетливо ретушированная фотография, со смыслом сделанная, и больше ничего. А на *русском языке* в подлиннике — есть даже что-то подлое в *стиле* этой мелкой работы...

19 Маркевич Б.М. (1822–1884) – русский писатель и критик консервативного направления, государственный служащий. Самым известным писательским трудом Маркевича является его трилогия: «Четверть века назад», «Перелом» и «Бездна», посвященная эпохе противостояния западников и славянофилов.

Вот куда я ушел из Козельска! Мне так захотелось вообразить себя в вашей молодой семье, в вашей веселой маленькой гостиной с голубыми гардинами... Я помню даже ваши пироги и ваши супы и ваш херес хороший, т.е. С *чувством* помню...

Что ваш юный *медиум*? Брат Мад. Соловьевой?...

Что делает Владимир Сергеевич? Вероятно — он в Москве? Я недавно читал его «Критику отвлеченных начал»²⁰ и кажется угадываю, к чему он ведет и с чем я совершенно, как Вы знаете, согласен. Он остановился на том, что у социалистов осуществление *экономического* вопроса (которым они думают исчерпать жизнь) им нужна помощь *юридических* (государственных) начал; а государство без *мистических* оснований невозможно.

Его никто долго терпеть не станет. Должно быть так! Как жаль, что он совсем не хочет и не может писать писем! Как бы я желал его видеть! Он летом был здесь в Оптиной с Достоевским²¹. Монахи говорили мне об нем и о. Анатолий (ски-тональчик) в восторге от его ума и ранней учено-сти. Вот, Бог даст, если обстоятельства мне позволят, проведу здесь все лето, а вы с братом приезжайте вместе в Оптину на целую неделю или на две даже. И все трое не без удовольствия и пользы побеседуем в лесу под тенью мачтовых сосен!

Ну. Прощайте! «Я сказал и облегчил себе душу» (*dixi et animam meam levavi*²² — правильно или нет?). Обнимаю Вас от всего сердца и прошу передать мое уважение вашего милого и, как я выразился выше, именно молодого семейства, *роз-ового на фоне голубых занавесок*;

Ваш К. Леонтьев

Порадуйте же меня поскорее — большим письмом.

20 Главы из «Критики отвлеченных начал», будущей докторской диссертации Вл.С. Соловьева, защищенной в 1880 г., печатались в журнале «Русский вестник» в 1877–1880 г. Леонтьев называет его «наш юный медиум», иронически подразумевая увлечение молодого философа спиритизмом. Личное знакомство Леонтьева с Вл. Соловьевым состоялось в 1878 г. 14 февраля он пишет М.В. Леонтьевой: «С философом Соловьевым очень подружились; он берется заниматься без меня моими делами», а тремя днями раньше в том же письме характеризует его: «он брат моему почитателю и критику Всеволоду Соловьеву» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 50). Об отношениях К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева см.: Фудель И., прот. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917 № 11–12; Козырев А.П. В. Соловьев и К. Леонтьев: диалог в поисках «Русской звезды» // Козырев А.П. Соловьев и гностики. М., 2007. С. 268–297. См. также публикацию тезисов К.Н. Леонтьева «Разные стороны учения Влад. Соловьева» // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. 1891–1917 гг. Антология. В 2 кн. Книга 1. (Публ. А.П. Козырева.) СПб., 1995. С. 439–440.

21 Совместная поездка в Оптину пустынь Вл. Соловьева и Ф.М. Достоевского состоялась в июне 1878 г., они находились там с 25 по 27 июня. В письме от 18 августа 1878 г. историку П.И. Савваитову из Москвы Вл.С. Соловьев пишет: «Мои намерения относительно дальних странствий не осуществились за недостатком финансовых средств, и я большую часть лета вращался в окрестностях Москвы. Свездил только вместе с Достоевским в Оптину пустынь, о которой Вы вероятно слышали» (РО ГТБ. Ф. 664. Л. 1. Номер ед. хр. отсутствует).

22 Латинская сентенция восходит к Иезек. 33, 9.

Января; 1879 г.

Оптина Пустынь

Благодарю Вас, Всеволод Сергеевич, за ваше милое письмо, за вашу память и ваши заботы обо мне. Не скрою от вас из ложного стыда, что эти заботы обо мне друзей и единомышленников как нельзя более кстати теперь, когда Катков вздумал конфисковать разом 950 рубл<ей>!!! моей заработной платы за *Камень Сизифа* (я, извините, слова «гонорарий» трепещу), Вы можете себе вообразить, как могло это отозваться на моих личных обстоятельствах? 1000 рублей неожиданно потерять — это всякий почувствует... Не правда ли?.. Может быть, дело, задуманное Вами сообща с добрым (хотя и несправедливо сетующим на меня) Федором Никол<аевичем> Бергом, благоприятно повлияет на нашего иступленного Московского Самодержца. Пример уже был один раз: года 3 назад Катков тоже совсем не хотел мне платить ничего, пока я не покрою весь мой старый ему долг (4700 руб.). Я предложил сосчитать 1/2-ну, а 1/2-ну оставить мне. Ни за что! Вдруг в «Русском мире» статья Авсеенки обо мне, о непонимании публики, о молчании критики и т.п. Тотчас же в *деревню* написал мне из редакции, что согласен на делёж пополам денег и выслал мне даже достаточную сумму на проезд в Москву.

Теперь долгу гораздо меньше — около 2000 только, и меры, принимаемые Вами с Бергом теперь, могут, с Божьей помощью, и еще сильнее на него подействовать. Кстати, попросите Берга, чтобы он печатал *объявления* о собрании повестей моих раз в неделю или два раза в месяц до мая. Вот почему: не знаю, по какой причине, только *Московские Ведомости* стали с Нового Года бесплатно об них печатать объявление. Увеличится ли спрос на них, или редакция хочет принудить публику обратить на них внимание (так как издание принадлежит Каткову же, т.е. не все, а настолько, насколько типография истратила на него). Если при этом будет и в *Ниве*, то последствия этого позднего успеха были бы для меня, могу сказать, неисчислимы. Вот как. Весь почти излишек сверх типографских расходов я мог бы отдать Каткову для погашения старого долга в 2000 рубл<ей>. И тогда, во-1^х я получал бы свои 100 рубл<ей> за лист сполна без вычета (чего, вообразите, я уже 4 года не видал) и кроме того Катков от радости, что *старый* счет кончен, может быть, согласился бы мне еще опять дать вперед тысячи 2. А это могло бы решительно спасти мою деревню, которая заложена в банк за 4500 и ежегодно висит на волоске, как говорится; внести около 1/2 много значит; значит надолго отсрочить опасность. А деревня моя — знаете ли что такое для меня? Вот что:

нигде, ни в столице, ни в уездном городе, ни в монастыре, ни в Турции, когда я был на службе, нигде я так много и так спокойно писать не мог, как у себя в *Кудинове*. Понимаете, когда я сел за письменный стол, то петух и тот знает, что под моим окном громко кричать нельзя, потому что он научен опытом. Сейчас выскакивает откуда-то девочка (натравленная уже на это) и бросает в него камнем. Как это в «Слове о полку Игореве»... «Сороки не стрекоташа, галцы не граахова; ползохом ползущее...»²³. Я не помню верно текста, но приблизительно. Вот почему, повторяю, заметка Ваша обо мне и ряд объявлений в «Ниве», может быть, косвенно послужат ко спасению моего последнего этого убежища. Простите, что я посвящаю Вас так грубо и просто в эти мои хозяйственные дела. Но уж если принимаете участие, так принимайте.

И это еще не кончено — вообразите! Еще просьба, когда вы в самом деле вздумаете писать обо мне, *выбросьте* все, что я упомянул об *учебнице естествоведения на Южном берегу Крыма*²⁴. Не упоминайте о том, что я подавал Записку Министру Народн<ого> Просвещения об этом предмете... написал это Бергу не подумавши, а потом вспомнил одно очень для меня важное обстоятельство и *раскался*. Обстоятельство это не секрет и я только для того теперь умолчу об нем, чтобы Вы не бранили меня за мое привычное многословие в письмах. Вот и все о моих делах.

Теперь два слова о другом. Что Вы в Царском, я очень рад за Ваше здоровье. К тому же я нахожу, что именно зимой в Царском *поэзии* гораздо больше. Там есть все прелести русской провинции и есть близость Невской *Клоаки* для *дел*. Будь мои доходы хоть сколько-нибудь повернее, то я бы, очень может быть, по зимам был бы соседом Вашим, и мы проводили бы прекрасные вечера в спорах и соглашениях (я бы Вронского хвалил, а Вы бы бранили его; вы бы Шатова хвалили, а я бы ненавидел его, а все-таки было бы хорошо). В Петербурге же я долго жить просто не умею!

Очень рад, что «Наваждение» будет напечатано у нас, у Кайя Калигулы нашего, который все-таки лучше всех, хотя иногда и строго обращается со мною²⁵...

Пришлите же мне сюда ваши последние отдельные издания. Петра II^{го} и еще то, что из *военного быта старины* (объявление было в газетах). Уж расщедритесь.

23 Ср. древнеславянский текст: «Тогда врани не граахууть, галици помолькоша, сороки не трескоташа, полозие ползоша только».

24 См. записку «Для биографии К.Н. Леонтьева» в конце данной публикации. Записка «Об учебнице естествоведения в Крыму» опубликована в: ПССИП. Т. 7 (2). Публицистика 1880 года. Ранние научные работы. СПб., 2006. С. 286–324.

25 Роман Вс. Соловьева «Наваждение» был опубликован в «Русском вестнике» в 1879 г. Под Калигулой имеется в виду редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М.Н. Катков (1817–1887), влиятельный консервативный публицист и издатель, один из важнейших идеологов контрреформ Александра III.

1 марта; 1879 г.

Оптина Пустынь

Роман начал из *русской жизни*, по Вашему желанию... Но не знаю, уж не слишком ли дерзок он будет... «Оставь всякую надежду». Ничего, кроме прозы и разрушений нет впереди; не только в Европе, но и у славян и *даже в Азии*... С тех пор, как этот су<кин> с<ы>н микадо японский²⁶ надел *цилиндр* европейский... чего можно ожидать от Азии? Цилиндр и сюртук — это внешний признак, как опухоль желез в *чуме*. А зараза, значит, уже в крови, если и одежда понравилась. Мусульманство *везде* гибнет под ударами не христианства (какое это христианство, и петербургское, и лондонское... Христианство вот здесь, в Оптиной, да на Афоне), но под ударами все того же прогрессивного европейского мещанства, у нас *притаившегося* за Гуркой, за Скобелевым, за мужиком, а в Англии (по-своему гнетущей и расслабляющей мусульманство) — за *лордами*, у которых очень скоро отнимут право первородства и разжалуют в мещане и простые землевладельцы, так, как разжаловали наших Вронских, Облонских и Шастуновых — в эти же самые благодетельные реформы...

Понимаете — все один черт... Все Гамбетта, Вирхов, Ласкер, Тьер, Бильбасов, болгарский прогрессист Шатов... Все одно, одно... А это одно — сухо плохо. Где же луч, где заря, где *варвары*? Их нет! А без варваров что делать?

Трудно это изобразить ясно в романе, но хочу хоть неясно, да изобразить...

Вот это *письмо*: письмо провинциальное; ваше конечно, *маленькое*, как бы мило и радостно для меня оно не было...

Ну, прощайте. «Розовому» семейству — передайте мои дружеские чувства...

Знаете, здесь в монастыре при *трапезной* чресчур скромная пища, поневоле бес искушает лишний раз вспомнить о Ваших хересах, супах и пирогах! «Что имеем не храним, потерявши плачем!»²⁷

Ваш от души К. Леонтьев

Извольте, многоуважаемый Всеволод Сергеевич, извольте — пейте мою кровь. Я родился (увы!) в 1831 году. Согласитесь, что это ужасно и что лучше бы умолчать об этом печальном обстоятельстве... Никто бы и не заметил. Но монахи выучили меня «послушанию». Повинуюсь, и не только повинуюсь, но и благодарю Вас (верьте) искренне за ваши обо мне с Бергом заботы. Я со стороны литераторов наших видеть этого не привык и меня это сильно трогает и утешает в моем постоянном и *неизбежном*, видно, умственном одиночестве.

Буду с нетерпением ждать Ваших обещанных мне романов.

Право, хорошо бы нам с Вами летом побеседовать обо многом, сидя на широких пнях в здешнем бору. Вы, мне кажется, немножко меньше стали бы нападать на *монахов и попов*. Верьте человеку, который *родился в 31 году*, а в детство, как видите, еще не впал, что для нас, русских, *это самый* существенный вопрос. Православие — это нервная система нашего Славянского организма, и как хранить и лелеять художественную красоту и государственную силу этого организма, если мы нашим либеральным, *общеевропейским* отчуждением будем ослаблять постепенно эту *нервную жизнь*, эти органически духовные *токи*?

Достоевский, ваш любимец, понял это.

Правда, ваш мыслящий, смелый и ученый брат сулит нам какого-то *оригеновского журавля в небе*²⁸, вместо той старой, но еще свежей *синицы*, которую мы держим *еще в руках*. Но (становясь даже на его точку зрения) я скажу вот что: мыслители и философы никогда положительного культа не могли создать; для этого надо быть *пророком*, надо дать *догмат и обряд*; а пока нет нового догмата и нового поэтического твердого обряда, всякая, *даже и мистическая*, философия есть не что иное, как лишнее орудие разрушения. Я очень люблю

28 Вл. Соловьева неоднократно еще при жизни называли «русским Оригеном». См. Странник. 1892. №9. Анонимный обозреватель определил цикл статей Вл. Соловьева «Смысл любви» как «исследование русского Оригена». Это сравнение было развито и в первом системном исследовании творчества Вл. Соловьева, опубликованном кандидатом богословия Московской духовной академии А.А. Никольским в харьковском журнале «Вера и разум» в 1902 г. (есть современное переиздание: Никольский А.А. Русский Ориген XIX века Вл.С.Соловьев. СПб., 2000). Однако сопоставления с Оригеном, учителем Церкви II века, делались и раньше. Прежде всего, потому, что еще в своей магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивистов)» (1874) Соловьев утверждал в качестве цели мирового процесса — *apokatastasis ton panton*, восстановление всяческих (греч.), что означает всеобщее спасение после конца истории и отсутствие ада и вечных мучений грешников. Это учение Оригена было осуждено как еретическое на V-ом Вселенском соборе в Константинополе в 553 г. при императоре Юстиниане. Леонтьев намекает здесь на утопические идеи Соловьева, которые роднят его с «розовым христианством» Толстого и Достоевского, а также с утопическим социализмом.

26 В 1866–1869 г. в Японии произошла революция, в результате которой была восстановлена императорская власть. Японский император (микадо) Муцухито взял имя Мэйдзи, которое означает «просвещенное правление». Период правления императора Муцухито, который длился 1868 по 1912 г., ознаменовался отказом Японии от самоизоляции и становлением ее как мировой державы. Япония встала на капиталистический путь развития, возникли банковские и индустриальные объединения.

27 Название одного из водевилей (1844) русского драматурга-водевилиста С. Соловьева.

Влад<имира> Сергеев<ича>, всегда его статьи внимательно читаю, очень много о нем здесь думаю; во многом, в общих взглядах согласен с ним (даже *восторженно* согласен!), но... хоть бы по вопросу о *вечном загробном наказании*... нет ли и тут чего-то *эмансипирующего*, эвдемонического, приближающегося к какой-то прогрессивной *гуманности*, к чему-то более *имманентному* и *эгалитарному*, чем к аскетически-трансцендентному?..

Боюсь, не ищет ли он все *основания на любви*... Но «любы есть плод»²⁹, а начало христианской премудрости есть *страх Божий*. А за неимением страха Божия недурен и страх Бисмарка, Муравьева-Вилenskого³⁰ и императора Николая?.. Очень недурен этот страх!..

Какая может быть тут на земле *любовь*! Я смею думать, что проповедь *бесстрашной любви* есть не что иное, как «le monde à l'envers»³¹, бессознательная подготовка имманентной религии, антитрансцендентной, т.е. антихристианской, т.е. *Царства Антихриста*...

Любовь может на земле восходить лишь как благоуханный дымок, «яко кадило пред Тобою»³², не она *жжет*... жжет курение наше, *огонь страха*... а *любы есть* лишь тонкий и высший продукт страдальческого самосгорания всей нашей жизни земной...

Она ведь ужасна, эта жизнь, и никогда не поправится...

Чего ждать от человечества, когда во Франции Грeви³³, а микадо японский *надел цилиндр* прогресса и даже в Болгарии, в **Болгарии**... вместо какого-нибудь здорового Царя-Пастыря — *бельгийская конституция*...³⁴ Это все не шутка, а очень серьезная, грубая и простая вещь. Европа есть прогресс, т.е. ложь и заблуждение... Франция (и Бельгия — отчасти) есть *культурный пуп* Европы... *Цилиндр* (парижский, т.е. прямо из глубины пупа) есть признание Европой прогресса, эвдемонизма, *лжи в принципе*... Бельгийская конституция в Тырнове есть ничто иное, как

29 Ср.: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера» (Гал. 5:22).

30 Муравьев-Виленский М.Н. (1796–1866) – гродненский, минский и виленский генерал-губернатор, подавивший восстания 1863–65 г. в Северо-Западном крае, за что был прозван в либеральных кругах «Муравьевым-вешателем». Брат декабриста Александра Муравьева. В 1865 г. получил графский титул и приставку «Виленский» к своей фамилии.

31 Мир наизнанку (фр.)

32 Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою: воздешие руку моею – жертва вечерняя (Пс. 140:2).

33 Жюль Грeви (1807–1891) – французский политический деятель, президент Франции во времена Третьей республики, 1879–1887). Первый президент Франции, бывший убежденным республиканцем и активно противостоявший реставрации монархии.

34 «Тырновская конституция» была принята Учредительным народным собранием Болгарии 22 февраля 1879 г. после освобождения от османского ига. Ее проект («Органический устав государственного устройства Княжества Болгарского») разрабатывался Особым совещанием в Петербурге, за его основу была взята бельгийская конституция, которая считалась одной из самых демократических в Европе.

орлеанизм³⁵, тьеризм³⁶ в самом *новом гнезде* Славянства, отречение *сразу* от Самодержавно-Византийских преданий, — ступень к болгарскому *Грeви* и к скрытому за ним *Гамбетте*³⁷...

Словом, везде *один чорт*...

Спасемся ли мы — великороссы?..

Что-то не верится...

А бывсеэто хотели Влад<имиру> Сергеев<ичу> написать, но он мне объявил, что писать писем не в силах...

Очень я хочу написать кой-что «о Панславизме», но обстоятельства внешние такими железными кольцами сдавили меня, что в пору только писать не что хочешь, а то, за что *деньги дадут*... [Никому в голову не придет]³⁸

Вот если бы при таких-то условиях личных не было бы *Веры, Любви и страха Божия*, то какие же были бы возможности жить?!

А я живу и даже сердцем покоен, сколько бы не возмущалась моя мысль каким-то не то изумлением, не то негодованием и за Россию, и за себя, грешного, которому железный намордник надели соотчичи своим равнодушием на рот...

Сказано: Бог не выдаст — свинья не съест. Вот это меня успокаивает. Верю, что свиньи отчизны моей не съели бы меня так, если бы не было на то воли Господней.

Простите, милый Всеволод Сергеевич, что я написал много и так некстати по поводу рокового 1831 года.

Вы ведь не принадлежите к тому стаду, которое приняв в себя бесов, кинулись очертя голову в море прогресса...

Не только жму вам крепко руку, но, если позволите, и обнимаю Вас сердечно...

Напомните обо мне вашему розовому семейству и сами иногда за вкусным вашим пирогом, супом и хересом вспомните обо мне, ныне смиренно и уничиженно питающегося здесь хорошим картофелем и грибными щами.

Ваш К. Леонтьев

Бергу я недавно писал тоже; я очень ему признателен: пишу очерк для «Нивы», *ретроградный*, уж простите!..

35 Идеология либерального консерватизма в период Июльской монархии во Франции с июля 1830 по февраль 1848 г., когда на трон взошел герцог Орлеанский Луи-Филипп. Обновленная Хартия расширяла полномочия парламента и министерств, вводила всеобщее избирательное право, суд присяжных.

36 Огюстен Тьерри (1795–1856) – французский историк, восторженный сторонник Июльской монархии, его исследования по третьему сословию ценил К. Маркс.

37 Леон Мишель Гамбетта (1838–1882) – французский политический деятель, республиканец, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 г.

38 Зачеркнуто в рукописи.

18 июня 1879 года.

С. Кудиново.

Вчера только, дорогой Всеволод Сергеевич, я получил письмо ваше (вовсе не желчное и тем более не оскорбительное, как Вы ожидали или опасались, мало зная меня). Не *обводите черной каемкой этой страницы* ваших воспоминаний, прошу Вас. Я письмом вашим тронут, потому что я вижу в нем личную, искреннюю приязнь. Некоторая степень «единомыслия» не всегда обуславливает личную симпатию. Вы сами мне говорили, например, что Мещерский вам неприятен, а с «Гражданином» во многом, если не во всем нельзя не соглашаться, если не хочешь впасть почти в нигилизм. Мне тоже подобные чувства очень знакомы: поэтому я не мог не обрадоваться вашему дружескому письму, полному прямоты и добросовестности. Я сказал выше, что Вы характер мой мало знаете. Признаюсь, я сам его иногда не понимаю, верьте мне. Однако мне кажется, что я страдаю больше непомерным самомнением, чем тем самолюбием, которое руководится мнением других, хотя бы самых умных и расположенных ко мне людей. Любви, приязни, уважению *личному* я ужасно рад; я сам люблю общество, люблю людей (именно *людей*, а не *человеческое собирательное*, до которого мне нет дела, с тех пор как я вижу, что оно *все* ползет куда-то и сливается понемногу в ненавистный мне образ *европейца среднего круга*... в идеал Гриви-Гамбетта или Бильбасов-Вирхов).

Подождите... я что-то заговорился и не знаю, что сказать дальше... Да! Лично я самолюбивее, чем с литературной точки зрения... Лично я дорожу любовью и хорошим житием всей душою... Мне грустно, часто скучно, я старею; люблю общество — движение, но вынужден обстоятельствами жить большей частью одиноко и в удалении. Как не дорожить мне каждым вниманьем, каждым чужим словом? Тут я и самолюбив, и простодушен, и все что вы хотите, только очень впечатлителен. Что касается до моего таланта, до моего ума и т.п., то простите — здесь иное... Здесь я сам уже ничего не понимаю в себе. С одной стороны, я чувствую, что все напечатанное мною есть только жалкая и бедная доля того «океана» чувств, идей самобытных, верных, тех образов, теней, *пророчеств*, которые живут и бесследно гаснут во мне. Это правда — я задыхаюсь под бременем прожитой мною жизни... Я сам виноват; *идеал мой* был несообразен ни с веком, ни со здоровьем моим, уже смолоду испорченным, ни, может быть, даже с моими нравственными силами (хотя в этом и сознаться больно)... Это с одной стороны; а с другой — я думаю, что я уже ничего больше серьезного и крупного не

сделаю... Я пишу теперь повести для денег и тягнусь ими. Я все эти *типы, характеры* и т.п. ненавижу давно... Прошу Вас, обратите внимание на Хризо, Пембе, и т.п... Там все характеры *нарочно* намечены чуть-чуть, слегка, как в старинных повестях, особенно французских, которых манера и мирозерцание мне нравятся больше, чем слишком го-рельефный, раскрашенный густо и вместе с тем забрызганный грязью — прием почти всех наших писателей. Вспомните хотя бы «В своем краю», просмотрите, — вы не можете не согласиться, что там есть эти *типы, эти характеры*, которые *лезут* в глаза с бумаги и в реальной обрисовке которых я не знаю, кто только у нас теперь не набил себе руку. У *всех* характеры живы и типы очень верны и ясны. Мне это еще в 60-х годах опротивело: опротивел даже сам Тургенев со своими «живыми людьми». Я стал искать теней, призраков и чувств... Я желал, чтобы повести мои были похожи на лучшие стихи Фета, на полевые цветы, собранные искусной рукой в изящно-бледный и скромно-пестрый букет, на кружева «настоящие» на «point-carré»³⁹, на фарфоровые белые сосуды с бледным и благородным рисунком... Я *возмечтал* быть примером, учителем, я хотел (вообразите!) открыть другим глаза... Я вознесся в своем уединении *до того*, что мнил положить конец *гоголевскому влиянию*, которое я признаю *во всех*, исключая, пожалуй, Толстого, который, по крайней мере, давно уже борется против гоголевщины — отрицанья, комизма и т.п. в самом *содержании* своем. Князь Болконский и граф Вронский — явились только у него. А я считая так, что молодой, красивый, храбрый, знатный и богатый *воин* (да, именно *воин*) это *вечный* и лучший идеал человека в земной жизни. Поэт и монах — вот только кто может равняться с воином. Но я мечтал в гордости моей, в моем уединенном самомнении, что я *призван* обновить и *форму*... Напомнить *простые и краткие* приемы, не грубо рельефные приемы — «Капитанской дочки», «Наташи» Соллогуба, «Валерии» г-жи Крюднер, «Вертера», Гофмана... Выбросить все *разговоры*, все эти *хихиканья* и т.п. Я ненавидел «В своем краю» за то, что этот роман похож на русский роман вообще; на Тургенева, напр<имер> (а мысль его, конечно, не пустая, и все в нем правда). Вот каковы были мои мечты, мои цели, мои безгласные и надменные надежды в Турции... Я *сжег* там

39 Особый вид игольных кружев, ручной вышивки по ткани, использующей растительный орнамент. Этот стиль кружев называют в Европе Ретичелла. В ткани вырезается фрагмент холста, а оставшаяся «сеточка» (итал. reticello) заполняется кружевом, в основном петельным швом. В более поздний период ретичелла выполнялось не по тканевой основе, а по нитяной. Характерным для этого узора является сочетание кругов, треугольников, квадратов с арчатыми или зубчатыми краями. Леонтьев иронически именуется их «настоящими кружевами», потому что их не требовалось выписывать из-за границы. Вышивать петельным швом умели и простые деревенские рукодельницы.

отчасти от гордости, отчасти от тоски, 8-летний труд мой, который должен был обнять жизнь русского среднего и отчасти высшего дворянства за полвека, от 10го-12го годов до первых 60^х годов. Эта эпопея задумана была почти так же, как романы Бальзака и Эмиля Золя — в связи... Написано было уже 3 романа сполна, а другие начаты. Всех должно было быть 6 или 7, и все *большие*... И все я хотел непременно *разом* издать. Сколько русских *лиц* там было списано почти с натуры, лиц, мне известных, близких, оригинальных, сильных, разнообразных; собирал матерьялы, мать моя трудилась, писала для меня свои записки несколько лет⁴⁰... Я все не спешил печатать — я хотел, вообразите, всех и все сразить сразу...

Года проходили; я, между тем, храня этот запас в столе моем, хотел попробовать себя на этих акварелях, на этих «фарфоровых чашечках». «Хриз», «Пембе» и т.д. *Никто не сказал ни слова.*

Видите, вся бы моя деятельность может быть сложилась бы иначе, если бы в то время лет 10–12 тому назад критика сказала бы мне: «Мы понимаем Вас: мы знаем, чего вы хотите! Вы ненавидите реализм и содержания и формы... мы рады, мы благодарны Вам за ваши усилия и попытки, но, ... вы не справитесь с *веком*; платите ему дань... Пишите яснее, грубее, подробнее, пишите хоть так грубо и ясно, как вы писали «В своем краю»».

Пусть бы печатно критики сказали бы мне тогда то, что по возвращении моем в Россию сказал мне Ф.Н. Берг: «Я согласен, что *в коляске лучше, чем в вагоне*, но попробуйте ездить в коляске, когда все другие ездят в вагонах... Что будет с вами?» Берг ужасно много понимает, он жалуется, что не может так хорошо иногда говорить, как понимает.

Пусть бы мне хоть один человек, напр<имер> хоть бы Страх, лет 10 тому назад это сказал бы печатно... Я бы смирился и стал бы давно в том вагоне даже 2го класса, в котором вы, напр<имер>, меня теперь возите (и справедливо, заметьте, я согласен с вами с точки зрения *плодов* моих). Но все молчали, как дураки, тогда — и никому и в голову не пришло, пожалуй, что это *человек записывает*, что он думает, о чем мечтает... Это молчание не смирило меня и только усилило мою гордость, мое самолюбие, хоть и погрузило меня постепенно в <неописуемую?> тоску... Если бы мне указали на ошибки мои, или на бесплодную правильность

моих воззрений (бывает бесплодна правильность, правильность не *ко времени*), это когда мысль одного человека стоит гораздо выше окружающих и опережает их), то я бы уступил во имя здравого смысла, сделал бы больше, *понижив цель*. Но никто не мог и не может меня убедить, что мои первые повести заслужили *молчания*; вы сами доказали, что молчавшие были неправы. Эти маленькие повести *скучны* не могли быть; они слишком *малы*, легки и *цельны*, чтобы быть скучными. Не они скучны, читатели грубы, робки, глупы.

В глубоком одиночестве моем я в припадке тоски *сжег* большой мой труд из русской жизни и вернуться к нему уже не могу.

Потом, когда я жил в Константинополе в 72 и 73 году, я, не *дождавшись совета* и правого, хотя бы и строгого суда от других, посоветовал себе сам *уступить*. Я сказал уже тогда в письме покойному Павл<у> Мих<айловичу> Леонтьеву, что начну вещь более *грубую, для денег*; я выразился так, я помню: «Это будет товар более *модный*». Эта грубая вещь — была «Одиссей». Я начал ее почти с презрением. Я пренебрегал прежде, напр<имер>, характерами, этнографией, *ясным* изображением быта, отвергал подробности и гнался за *внутренней музыкой* какой-то. Я хотел, чтобы повести мои были похожи на стихи... В «Одиссее» я разом (это ваша правда, что разом) изверг все это — и типы, и этнографию, и выпуклость подробностей... Я переступил, быть может, за нужные пределы, утратил то *чувство меры*, о котором Вы говорите, и в то же время не насытился, не исчерпал себя, не истощил не только этого «океана» моих воспоминаний и проектов, но и одной *эпирской жизни* моей. «Одиссей» — уступленная вещь, это *продажа* эстетической совести за деньги, которые стали нужнее после выхода в отставку (заметьте: по действительной болезни, а не от каприза). И вот эта продажность совести, эта уступка — грубости вкуса — доставила впервые мне некоторый успех... Удостоила меня хотя бы, напр<имер>, вашего внимания.

Я прерываю это огромное письмо. Мне некогда, я болен, озабочен донельзя, я занят делами, а нынешний год особенно измучен *вещественными* нуждами, но я спешил хоть *начать* эту *исповедь* только для того, чтобы вы не обводили ничего *черной каймой*. Постараюсь кончить, меня самого облегчает это «излияние».

Но если бы Вы знали, до чего *дорого время*, до чего неизбежны практические требования... Я здесь, у себя весь в зелени, в цветах — в тени... И вижу все это как во сне... Некогда задуматься, некогда почти помечтать в саду...

Не заключайте, прошу Вас, однако ничего, пока не получите конца. Все это очень сложно, и полуоткровенность может только спутать. Я постараюсь

40 «Я просил покойную мать мою записать для меня свои воспоминания о жизни в Екатерининском институте и о позднейших сношениях своих с Императрицей Марией Федоровной, которая до самой кончины своей не забывала ее, как одну из лучших своих воспитанниц... Мать моя исполнила мою просьбу давно, еще при жизни своей, и часть ее записок была напечатана в «Русском Вестнике» («Праздник в селе Покровском; 1811–1812 гг.» и т.д.) Было у нее написано и еще много любопытного, но все это, к сожалению, пропало вместе с отрезанным чемоданом между Калугой и Москвою, в конце 60-х годов» (Леонтьев К.Н. Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне // ПС-Сил. Т. 6 (1). СПб., 2003. С. 552–553).

кончить. Пока — вы увидите только, что если у меня есть самолюбие, то уже, конечно, очень гибкое и широкое: Вы опасались, не раздражит ли меня ваше письмо; а оно меня утешило и обрадовало, и развеселило. О статье вашей скажу после, *по очереди* все; уж говорить, так говорить побольше.

А пока посылаю Вам ту статью «Русского мира», которую я считал до сих пор *первой* статьей обо мне. Она подписана А. О. Ваши, я думаю, появились позднее. А.О., по словам Берга, вы звался сам, не зная меня лично. Если это ошибка, то простите. Берг участвовал в редакции; и мне это сказал тогда. Только *если можно*, верните мне эту статейку. У меня другой нет. И напишите хоть бы и слова: «Доволен, мол, началом исповеди», чтоб и я был покоен за ваше ко мне расположение. Мне нужно только, чтобы вы *лично* были мной довольны; я не имею права требовать от вас согласия со всеми моими непомерными претензиями — особенно с *прежними* — от которых я давно и сам практически отказался, не столько, впрочем, по сознанию *эстетической неправды* моей, сколько по смирению перед *волей Высшей*, не желающей, вероятно, чтобы я был удовлетворен в *этой жизни*. Милосердие Божие выражается нередко в строгости *здесь*, для прощения *там*. Иначе я объяснить себе своей жизни и судьбы не умею, как мистически. По «здравому же смыслу», извините, не могу счесть себя неправым в литературном деле; это *свыше моих сил* и если я это вам скажу, то будет *ложью для приличия и больше ничего...* А я вам, человеку со мной искреннему, лгать не хочу. Послушайте, отчего бы вам ко мне на неделю — на две одному по окончании *вод* не приехать? У меня хорошо. Только флигеля маленькие.

Сколько бы мы поговорили! Я звал и Берга; не может...

Здесь вам деньги не нужны; а на дорогу возьмите 100–150 рублей. И вам и мне это будет полезно. Только предупредите хоть за 10 дней, чтобы я не отлучался никуда.

Ну, обнимаю вас за вашу приязнь и <2 сл. нрзб.>

К.Леонтьев

НВ. Насчет «Мертвого дома» и «Преступления и наказания» вполне согласен. Это в *своем* роде превосходно. Впрочем это и в письме моем Бергу есть.

8.

22 июля; 1879 г.

С. Кудиново

Вы мне не пишете, Всеволод Сергеевич? Неужели Вы не получили моего *Предисловия* на 4^х листках? Я, право, имел несчастье поручить это *казанное* письмо одному моему родственнику, который, погостивши у меня, в деревне, уезжал и должен был проездом через город отдать его на почту. Я говорю «имел несчастье» поручить ему: это самый неаккуратный и необстоятельный человек в мире⁴¹. Боюсь — не лежит ли оно

⁴¹ Речь идет о племяннике В.В. Леонтьеве. В письме, адресованном ему, от 19 июля 1879 г. из Кудинова Леонтьев пишет: «Теперь позволь сказать тебе дружески и серьезно: я удивляюсь, как при благородном характере и честном сердце и т.д. ты поступаешь бессовестно с взятыми на себя коммиссиями. <...> И что хуже всего, вероятно Всеволоду Соловьеву заказного письма до сих пор не отправил и из добродетеля моего создал мне теперь литературного врага. Зная мое основательное недоверие к твоей аккуратности, отчего бы было не выслать мне тотчас же квитанцию» (Избранные письма. С. 242). 7 августа 1879 г. Леонтьев, так и не получив подтверждения о получении «Заказного», пишет ему снова: «Володя, что же это за свинство с твоей стороны, что ты до сих пор не можешь ни слова мне написать о том, что я у тебя спрашиваю: отправил ли ты заказное письмо Всеволоду Соловьеву или нет? И почему?» (Там же. С. 243).

до сих пор у него на столе или не потеряно ли оно. Поэтому я и сообщаю Вам это небольшое «avis».

Заказное письмо мое было, сказал я, вроде Предисловия к чему-то подобному литературной исповеди, общий смысл которой долженствовал быть таков: «Если Всеволод Соловьев и вполне прав, то *мне*-то от этого не легче. Если его взгляды на мои произведения не удовлетворяют меня и не соответствуют мои *претензиям*, — он не виноват и я его за это люблю и уважаю нисколько не менее. У меня есть очень близкие друзья, которые любя меня, даже и внимания не обращают на мои писания и не шлют читать моих повестей и статей. Эти люди, близкие мне, вовсе не признают во мне хорошего литератора, игнорируют меня как писателя; «Новое время» обнаруживает такое чувство; Всевол<од> Соловьев и Евг<ений> Марков, оба хорошие, серьезные критики, говорят оба обо мне почти одно и то же, т.е. ставят меня наравне с Сальясом или еще и похуже иногда (Марков), выделяя из толпы людей, *бессильных изобразить современную Россию*, только Льва Толстого и Достоевского. Авсеенко думает почти то же, чуть-чуть разве повыше иногда; Фед<ор> Берг поднимает меня степенью выше; у него публика виновата более меня, тогда как у Всев. Соловьева я виноват более публики; Вс. Крестовский подходит к Фед. Бергу — он зовет печатно «Одиссея» не только романом, но иронично эпопеей. Лев Толстой спрашивал, почему от всех русских повествователей *его коробит*, но только не коробит от меня. Катков восхищается «Одиссеем» и говорит мне в глаза об издании повестей моих: «успех вовсе не зависит от достоинства, а от множества побочных условий»... Н. А. Любимов называет «Одиссея» *небольшой Америкой*. И. С. Аксаков говорит мне в глаза у княз<ини> Трубецкой: «Теперь не надо ездить в Эпир; это удивительно живо и понятно»... Греки, знающие по-русски, в восхищении. Списку читателей из публики, не пишущей, но образованных и тяготящихся *формой* «Одиссея», который мне предлагает Всеволод Соловьев, я мог бы противопоставить список восхищающихся людей, весьма различного рода: напр.: «*старая московская раскольница Гомановская, купчиха*; мад<ам> Игнатьева, корол<ева> Вюртемберг<ская> Ольга Никол<аевна>, купец Соболев в Москве, искавший через «Одиссея» моего знакомства, большинство моих товарищей по службе, какой-то генерал Фрейгат или Фрейман в Петербурге, не помню и т.д. и т.п.

Сам я этой неправильной формой доволен: мне у других надоела до смерти эта быстрая, округленная форма. Я даже на сцене неправильную пьесу «Горе от ума» считаю гораздо выше правильного, *текучего*, так сказать, «Ревизора».

И все до уродства доходящие уклонения «Войны и мира» считаю гениальными. Итак, какое же общее заключение? Вот какое:

Независимо от мнения обо мне Всевол. Соловьева — он и сам мне понравился и я и так его люблю; тем более приязнь его мне дорога, когда я знаю, что он мой литературный друг и упорный защитник. Из того, что я желал бы слышать от него похвалы более резкие, не следует заключить, что я недоволен им. С *практической* стороны и та мера, которую он дает, очень высока, я могу и ею быть доволен. Если мои претензии велики, это не его вина; он говорит по убеждению, без кумовства, которое я сам в литературе презираю. Я могу затаить в сердце своем надежду, что если я проживу еще лет 15 на свете и буду печатать, то он переменит обо мне свое мнение на еще более лестное; но я могу ошибиться как в нем, так и в самом себе. И он может навсегда остаться при своем среднем обо мне мнении, и я могу умереть, не оправдавши даже и в собственных своих глазах моих непомерных и *непоколебимых претензий*... Рок, судьбу, волю Божию и т.п. нельзя отрицать ни в чем. *Habent sua fata libelli!*⁴² Я могу быть прав в задаче, в замыслах, в принципе; но вместе с тем я могу вспомнить пословицу: «дорого яичко в Христов день!» Иванушка-дурачок восклицал все *правильно*: и за здоровье и за упокой, да не *во время*, и его за это били. Может быть и я такой Иванушка? Вот новая газета «Восток» идет плохо; а только она одна говорит правду о Восточных делах. Быть может ее вспомнят, а быть может и нет. У меня в саду есть островок посреди сажалки; прежде был тут плотик — на острове росли цветы. Теперь по безденежью и мостков не сберусь все поставить; на острове, однако, каждый год цветут цветы, черёмуха цветет в мае; и никто не срывает цветов и не обоняет их запаха, пройти нельзя, но они чуть-чуть видны даже из-за кустов.

Но ведь от того, что я мостков не строю — черемуха не хуже пахнет и цветы другие не менее красивы!...

Habent sua fata libelli!

И вы, мой милый, дорогой Всеволод Сергеевич, тут не причем... Вы только орудие... Промысла, как и все мы, больше ничего... Промыслу Божию угодно, чтобы у меня все шло ни шатко, ни валко, а так себе, середка на половинку. За что же мне было досадовать на Вас. Это было бы и неблагоприятно, и глупо, и слишком для меня даже мелко. Ни Вы, ни мы *ничего почти не можем* сами по себе сделать. Если в предназначения Промысла всходит намерение поставить меня в положение соответствия моим претензиям, то и я сделаю большее,

⁴² Книги имеют свою судьбу (лат.). Фрагмент стиха 1286 раздела «О слогах» поэмы римского грамматика Теренциана Мавра (II до н.э.) «О буквах, слогах и о метрах».

и Вы об этом большем скажете иное; но и на прежнее мое измените взгляды. А нет — так нет. Помните испанские договоры с королями — «Et si non — non!»

Пуще всего, знаете, теперь пора перестать верить в целесообразность и силу *разума человеческого*. Это главное. Ум, талант, гений — все это факты, явления природы, как цветы, как молния, как воздух... Но что ж из этого следует? Ум — это краса, букет, поэзия сама для себя живущая, сила для силы... *факт* — я говорю. А кто говорит *разум*, тот понимает *цель*, пользу, какие-то надежды на человечество, на себя и т.д.

Все это вздор и суета сует!

Письмо мое к Бергу было слишком кратко и потому могло произвести на Вас ложное впечатление. В двух строках его смысл можно было бы выразить так: «Может быть Вс. Соловьев и прав, но мне от этого *грустно*. В мои года не заслужить большего! Печально!». Я, конечно, сделал бы лучше, если бы и Федору Никол^аевичу не писал бы этого; и он напрасно показал его Вам. Но что делать — *fatum, fatum и fatum!*..

Обнимаю Вас и прошу любить по-старому.

Уважающий Вас К. Леонтьев

А я в деревне еще долго пробуду. Пишите сюда. Мне очень жаль, если нерадивый родственник мой забросил 1^е письмо.

9.

1886 г.; 29 октября; Москва.

Дорогой Всеволод Сергеевич, собственно-то говоря я хочу сегодня сказать всего два слова из своекорыстия. Вот они: если Вы в самом деле задумали писать об моих книгах (Восток, Россия и Славянство) — выгодную для меня статью, то лучше пишите ее для «Гражданина», чем для «Петербур^бургских» ведомостей». Мещерский примет вероятно *все* хорошее, что Вам вздумается обо мне сказать, а Вас. Григ-чу Авсеенке, я думаю, должно претить мое *культурное* Славянофильство, моя, так сказать, «шапка-мур-молка» в прямом и аллегорическом смысле; так что для его газеты, мне кажется, довольно было бы самого сухого изложения содержания. Да и «Гражданин» читается, если не ошибаюсь, больше, чем «Петербур^бургские» ведомости». А впрочем — Вы сами лучше знаете и свои и свои личные отношения с Г... У меня вдруг, нечаянно мелькнула эта мысль — я Вам ее и сообщаю из *своекорыстия* — и больше ничего!

Как только получу отставку и пенсию, так мечтаю воспользоваться Вашим неоцененным и редким в наши дни гостеприимством и если здоровье и другие условия позволят, приеду на месяц в Петербург, прямо к Вам.

Впрочем, тогда заблаговременно предупрежу. Вот когда потолкуем вдоволь о том, *как надо понимать известные Вам явления таинственного рода*. А теперь я для серьезной переписки слишком занят неотступными *практическими вопросами*.

Простите, обнимаю Вас и остаюсь сердечно любящий Вас К. Леонтьев.

Адрес мой: Денежный пер. (около Пречистенки) д<ом> Авдеева.

10.

1886 г.; 20 декабря; Москва.

Как объяснить, дорогой Всеволод Сергеевич, ту глубокую разницу, которая существует между Вашим радушием, Вашей приязнью в Петербурге при личном свидании — и Вашим долгим молчанием в ответ на мое письмо?

Loin des yeux — loin du coeur⁴³?

Или недосуг? Если и на это не ответите ни слова — Бог с Вами.

Ваш К. Леонтьев

P.S. Супруге Вашей мое приветствие. Жаль, что мы с ней не видались⁴⁴.

43 Букв. Вдали от глаз — вдали от сердца (франц.).

Французская поговорка восходит к латинскому афоризму из «Элегий» римского поэта Секста Проперция (I в. до н.э.): *mutatis Cynthia terries quantum oculis, animo tarn procul ibit amor*.

Средства испытаны все побороть жестокого бога:

Все бесполезно — гнетет он, как и прежде, меня
Вижу спасенье одно: уйти в заморские земли,
Кинтия дальше из глаз — дальше от сердца любовь.
(Кн. III, элегия 21, ст. 7–10, пер. Я.М. Саровского.)

44 Вс. С. Соловьев был женат дважды: на Ольге Осиповне Ламкерт и ее сестре Елене (Адели) Осиповне. В 1886 г. речь идет уже о втором супружестве, для получения разрешения на которое Всеволоду пришлось предпринять немало хлопот. Они были голландского происхождения, перешли из протестантизма в православие. Ольга Осиповна вторично была замужем за сыном поэта С.П. Шевырева. Развод вместе с разделом имущества отца историка С.М. Соловьева негативно сказался на отношении Всеволода с семьей. От двух браков у Всеволода было четверо детей — три сына и одна дочь. Около 1891 г. он пишет своему дяде: «На брак у меня свой взгляд: есть браки, совершенные в церкви, которые я признаю не только мерзостью человеческой, но, в иных случаях, просто скотоложством, и есть союзы, совершенные, по народному выражению, «вокруг рахитового кустика», которые я признаю великим и святым таинством. Но дело в том, что в виду существования «общества», из которого человек может удалиться сам, но не может удалить своих детей, одним словом, в виду детей я нахожусь, что всякая серьезная связь должна, если только есть малейшая возможность, получить церковное освящение. Иметь незаконных детей — это, прежде всего, для человека с сердцем, адское и бесконечное терзание. Когда мой развод подходил к концу и когда я получил доказательства возможности моего церковного брака с Адель, я умолял мою мать, Христа ради, благословить мой второй брак, не лишая меня вторично родительского благословения, дать мне с ясным духом начать вторую половину моей жизни, так как первая в семейном отношении была несчастна. Она мне ответила, что хорошо знает, что моя первая жена сделала своими свойствами мое несчастье, что Адель совсем иная и действительно меня любит; но что она отказывает мне в своем благословении и что если мне удастся обвенчаться, то «единственно с помощью дьявола» — (это ее подлинное выражение, письма у меня целы). Не знаю, принимал ли тут участие дьявол; но с помощью моих трудовых денег, опытного поверенного и почтенного отца протоиерея, которому захотелось уйти на покой с капиталцем, полученным за несколько романтических венчаний, — мы были обвенчаны. Это был самый счастливый день в моей жизни» (РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 89. Л. 2).

В декабрьской книжке «Русской мысли» напечатаны письма ко мне И. С. Тургенева (от 51–76). В последнем письме (76 года) он высказывает о моем «Одиссее Полихрониадесе» и вообще о моих греческ<их> повестях мнение совершенно противоположное Вашему, мнению Авсеенки, Вс. Крестовского, Евг. Маркова и других. Вы все находите, что хорошо и живо, а Тургенев находит, что «мои лица безжизненны». Не знаю, кто прав он или вы все, другие критики мои... Именно «жизненность» лиц есть такое свойство, о котором самому автору труднее всего судить. Это можно судить только объективно.

Что Ваше издание? Отчего Вы мне Горбатовых⁴⁵ не пришлете. Вы считаете это лучшим Вашим произведением; вот и я бы Вам откровенно высказал мое мнение...

А «Ниву» хотя мне и высылают, но я уже давно сам не читаю ее и б<ольшей> ч<астью> даже и не вижу, а тотчас же ее посылают в Тулу одному родственнику. Что-то все газетное давно опостылило и я, кроме «Московск<их> ведомостей» и «Прав<ительственного> вестника»⁴⁶, никаких газет не читаю. Как-то легче без них дышится; почти все газеты меня чем-нибудь да раздражают, а в старости главное — внутренний мир души. Вы спросите: чем же меня раздражает «Нива»; она не политическая газета?... Да мелочами разными, например — «*Два веселых и милых таксика нашли крота и подбрасывают его на воздух!*...» Как несчастному кроту-то весело и мило! Уж очень глупо; а я и рассержусь и Маркса⁴⁷ и его помощников вдруг возненавижу... Вот и грех! Так зачем же. Хочу писать даже Фед<ору> Ник<олаевичу> Бергу, чтобы больше мне ее не присылал. Все как-нибудь не убережешься, заглянешь и рассердишься.

Ваш К. Леонтьев

21 декабря; Вчера был у меня один молодой человек и сказал, что он слышал от кого-то, что подписка на ваше издание идет очень удовлетворительно. От души радуюсь. Дай Бог, чтобы Ваш разрыв с болваном Марксом не повредил бы Вам, а напротив улучшил бы Ваше положение.

45 Роман Вс. Соловьева «Последние Горбатовы» вышел в 1886 г. Он заключает цикл «Хроника четырех поколений», объединяющий пять романов: «Сергей Горбатов», «Вольтерьянец», «Старый дом», «Изгнанник» и «Последние Горбатовы».

46 «Правительственный вестник» — ежедневная газета Главного управления по делам печати (высшая цензурная инстанция при Министерстве внутренних дел Российской Империи), выходила с 1869 по 1917 год, в ней публиковались правительственные объявления, распоряжения и разъяснения.

47 А.Ф. Маркс (1838–1904) — русский книгоиздатель и книгопродавец, с 1869 по 1918 г. в издательстве Маркса выходил еженедельный иллюстрированный журнал для семейного чтения «Нива».

11.

Для биографии К. Н. Леонтьева⁴⁸

Родился и воспитан в Калужской губернии, в имении родителей своих.

Был в Смоленской гимназии (один год); в Дворянском полку кадетом (один год); потом кончил курс в Калужской гимназии.

Кончил курс медицинских наук в Москве. Служил военным врачом во время Крымской кампании, в Крыму.

Несколько лет занимался частной медицинской практикой, и в то же время начал печатать первые статьи свои и повести («Подлипки» — в «Отечественных» записках» 61го года; «О сочинениях Марка Вовчка»; Смысл тот, что приемы М. Вовчка выше и лучше всех наших авторов; а содержание обыкновенное; в «Отечественных» записках» 61го года. — Разбор «Накануне» (Письмо провинциала самому г. Тургеневу). В этом письме отрицаются художественные достоинства романа «Накануне», который ставится гораздо ниже всего остального тургеневского; революционная *натяжка и сухость*; ложь — Тургенев сам отвез его Дудышкину и упросил его напечатать. В этой статье между прочим предсказывалось, что у нас и самих завтра явятся русские Штольцы («Обломов») и русские Инсаровы. «Отечественные» записки» наделали внизу всякие замечания и опровержения и между прочим сказали: Откуда взял это автор и где признаки? Это было в 60^м или 59^м году. А 62^м появились «Отцы и дети» Базаров (русский Инсаров); а от Штольцев мы не знаем куда деться с тех пор! Одно только «Время» Достоевского обратило внимание на «Письмо провинциала»; во многом соглашалось и жалело, что не знает, кто автор. Слепота «Отечественных» записок»!!! В 64^м или 63^м году «Отечественные» записки» напечатали роман «В своем краю» (мысль его была сложная; прежде всего то, что главное в жизни — это прекрасное и, как важнейший элемент его, зло, борьба, страдание, но высокие; хотелось представить и поэзию хорошей помещичьей жизни в России, — большинство лиц взято с натуры в Нижегородской губернии, где Леонтьев был 2 года врачом. Графиня

48 Текст «Для биографии К.Н. Леонтьева» приложен к переписке. Он написан рукой племянницы М.В. Леонтьевой, которая часто переписывала работы К.Н. Леонтьева набедро по его просьбе. На последнем листе приписка, сделанная рукой Ф.Н. Берга (установлено О.Л. Фетисенко): «Посылаю Вам, многоуважаемый Всеволод Сергеевич, биографические сведения о Константине Николовиче». Портрет будет в неопределенном времени. Я посылаю Вам для статьи заранее материал, так как Вы сами изъявили желание писать о нем. Слишком большую статью М<аркс> не желает по поводу Леонтьева». Ф.Н. Берг прислал эти материалы Вс.С. Соловьеву для подготовки его статьи: Соловьев Вс. К.Н. Леонтьев // Нива. 1879. 14 мая. Записка была впервые опубликована В.А. Котельниковым и О.Л. Фетисенко: Литературные автобиографии К.Н. Леонтьева // Русская литература. 2001. № 2. С. 154–156. Вошло в: ПССиП. Т.6 (2). СПб., 2004. С. 7–16.

Новосильская — это почти портрет баронессы Розен (невестки игуменьи Митрофании). В 66^м году напечатана в «Отечественных» записках повесть «Ай-Бурун» (изуродованная бессовестными опечатками!).

Еще в 59^м году или 60^м, будучи врачом в Нижегородской губернии, Леонтьев представил в Министерство Народного Просвещения большой и многолетний труд свой: «Записку об основании особой учебницы естествоведения на Южном берегу Крыма, в Казенном ботаническом Саду, называемом Никитским». Задача была та, что нигде почти в мире нельзя найти таких удобств для живого и наглядного изучения природы как на Южном берегу Крыма (море, горы, дикие леса и близость степи в Крыму же, сады, тепличная флора, богатая воздушная, альпийская на высотах; обилие перелетных птиц и рыбы; возможность содержать лучше, чем в столицах животных самого противоположного климата, ибо на горе — наверху холодно, а у моря жарко; садки для морских животных и т.д.; необыкновенное обилие этнографических и антропологических данных, череп, могилы и т.д.

Сверх того обращено было внимание и на нравственно-религиозное влияние тихой и здоровой местности на учащихся, *будущих профессоров*; отсутствие столичной злобы, нужды и пустоты...) Тогдашний Министр Ковалевский прислал Леонтьеву официальную благодарность за этот труд (начатый еще в Крыму, во время войны и после мира); и потом сдали в Архив как вещь для России слишком смелую и широкую. *Ведь за*

границей этого нет; все подобное около столиц, то и мы львов и тигров должны морить в Москве).

В 63^м году Леонтьев поступил на службу по Министерству Иностранных Дел и уехал в Турцию. Был недолго секретарем на острове Крит; потом управлял Адрианопольским консульством, потом Вице-Консулом в Тульче (на Дунае); консулом в Янине и Салониках, в 73^м году вышел по болезни в отставку и с тех пор живет в России, большею частью в своем имении в Калуге. Печатал с тех пор (с 69го года) известные повести и романы из новогреческой и турецкой жизни, статьи и вообще сочинения *не повествовательные*: в 73^м году (в «Русском» вестнике) «Панславизм и греки», «Панславизм на Афоне». Он обратил ими на себя внимание, и в Министестве Иностранных Дел, и в Москве, у славянофилов. Погодин горячо их хвалил в «Гражданине», Турецкое посольство в Петербурге перевело их по-французски и прислало для сведения в Константинополь — *своим*. Известный турецкий дипломат (грек) Фотиадес-бей *доверительно* показал автору этот официальный перевод. Не отвергая расстройств Турции и возможности ее падения и неизбежности панславизма в какой бы то ни было форме, автор находил, что России нет никакой нужды или выгоды ускорять все это, и указывал и на невыгоды и опасности, которые имеются в самом панславизме. Все это, как водится, забыто. Потом был напечатан в «Чтениях истории и древностей» г. Бодянским «Византизм и славянство» и отдельные брошюры. Жаль, что очень многие не поняли, что тут дело вовсе не

в греко-болгарском вопросе, а в сущности в последовательном развитии идеи, что *Запад гниет*, и что, кто ему будет подражать, тот сам погибнет. На серьезную претензию автора предложить научное почти математическое средство для определения возраста и близости падения государств никто не обратил должного внимания. Даже и г. Страхов, который так похвально и серьезно отозвался в «Русском мире», о *гипотезе триединого процесса*, о разнице развития и разлития и т.п. — умолчал.

Старик Бодянский очень это ценил. Он был из *старых ученых*, любивших мысль для мысли, без предвзятых целей и политической «злобы дня». Потом еще в «Русском вестнике» прошлого (78го) года статья «Русские, греки и юго-славяне; опыт национальной психологии» (большая романτικότητα русских во всем: в религии, в любви и т.д.; сухость восточных единоверцев, особенно славян). Марков Евгений, который справедливо сетует на *безыдейность* статей «Рус<ского> вестника», в моей статье нашел исключение; а Катков зовет мои статьи *выходками*, *капризами* (*des boutades*, так он выражается по-французски). В «Гражданине» (78го года) помещена «Храм и Церковь» (о св. Софии и опять о греко-болгарской распри, что это важнее Св. Софии).

НВ. Забыл еще статью в «Заре» (69го года?) «Грамотность и народность». Теперь я нахожу, что это вздор; я слишком высоко думал о России.

Примечание. Леонтьев встречает для печатания своих *строго-охранительных* статей всегда большие затруднения. Каков дух времени на Святой этой Руси?

Факты? Я думаю — это *факт*. Разве это не более важный факт, чем то, что я перешел ребенком из одной гимназии в другую; или когда я какие *ордена* получил? Или при каком именно полку я был лекарем в Крыму?

Не знаю — как хотите!

Я полагаю, что для нашей публики было бы очень полезно указать, что вот *естествовед* *смолоду и врач*, а защитник религии и Церкви. Не дурак и не сумасшедший. Это ведь тоже *факт*. А *повести* мои что! Вот я прошлого года весной познакомился с Львом Толстым; он спросил: «Отчего меня не *коробит* только от ваших повестей; а самые лучшие авторы наши чем-то претят?» Я отвечал: «Это оттого, что у меня *язык* прекрасный, что у меня мало избитых приемов нашего реализма *в форме*». Он сказал: «Очень может быть!» Да! Это я думаю, но содержание *Восточных повестей* — увы! — о! это совсем не то, что я бы мог и желал бы сказать, если бы не имел несчастье быть русским нашего времени!...

В моих первых повестях из русской жизни замыслы были *оригинальны* и серьезные; форма — испорчена, в «Подлипках» — *не беспорядком* изложения (это хорошо), а тем, что *лица* были взяты *мельче*, чем бывает в жизни (это и Дудышкин говорил справедливо). А в «Своем краю» выбор лиц хорош, но и я в языке и в подробностях те же отвратительные грубости и *ненужные реальности*, которые я ненавижу, и у Тургенева, и у Некрасова, и у Достоевского, и которые недурны только у Щедрина и у Писемского. Только еще в «Ай-Буруне» есть и содержание *свое*, и форма была бы ничего, если бы не бессовестные *опечатки*.

Извините, я не мог не высказать вам, как я смотрю сам на свою деятельность. Как хотите, это ваше дело, а я все-таки скажу, что «Византизм и славянство» гораздо важнее моих Восточных *акварелей*. Повести мои чуть не игрушки, а «Византизм» — *Не смею* сказать что... Неловко. Понимаете! Практичность — хороша, но *дальновидность* определений — тоже практичность своего рода. *Вспомнят* — погодите! *Никто этого не говорил*.